

27 января - 73-Я ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАШЕГО ГОРОДА ОТ БЛОКАДЫ

Воспоминания из блокадных дней

Лилия Игнатьевна Дядицина (Лебедева), инженер-экономист, ветеран войны, жительница блокадного Ленинграда, рассказывает:

В 1935 году нашему папе, Игнатию Николаевичу Дядицину, предложили должность главного инженера института «Гипроводтранс», и семья переехала в Ленинград. Мы жили в общежитии, а семья состояла из пяти человек. В это время папа строил дом в пригороде, на станции Шувалово, Новоорловская ул. д. 79. Там мы прожили с 1935 г. по 1947 г. В январе 1938 года, в один из дней наших каникул, мама уехала в город, а папа собрался с нами на лыжную прогулку в Шуваловский парк... К дому подъехала машина «чёрный ворон», соседей пригласили понатыми, в доме произвели обыск. Папу отправили в Кресты. В камере предварительного заключения папа познакомился с К.К. Рокоссовским, будущим Маршалом Советского Союза.

Кто-то из сотрудников написал на папу донос как на немецкого шпиона... Разбирались девять месяцев, и в октябре 1938 года его освободили. Тем временем, родилась наша младшая сестрёнка Надюша. Жилось нам без папы очень тяжело, мама сдавала две комнаты жильцам и работала на фабрике «Большевичка». Сверстники дразнили нас, как детей врагов народа.

В 1940 году я окончила 7-ой класс и поступила в Энергетический техникум. Экзамены сдавала до 22 июня 1941 года. 23 июня нас отправили на Большой пр. Васильевского острова рыть окопы, «щели», как их называли. На каникулы нас не отпустили, а мобилизовали на казарменное дежурство в техникуме. Мальчики дежурили на крышах. Девочек обучали оказывать первую помощь раненым, выдавали санитарные сумки, носилки для спасения пострадавших во время бомбёжек и обстрела людей. В июне 1941 года меня с другими студентами направили на оборонительные работы на Кингисеппском направлении. Враг наступал на Ленинград. В один из дней нас посадили на последний эшелон (все пожитки и лопаты побросали по дороге к эшелону). Мы получали продовольственные карточки в техникуме, и я поехала туда. Опять мы дежурили на крышах, тушили зажигательные бомбы, с крыш сбрасывали их во двор, где стояли бочки с водой.

В сентябре нас снова послали на окопы между деревнями Мурино и Девяткино. Жили в покинутых жильцами домах, копали на берегу Охты противотанковые рвы. Папа наш до войны был в командировке в Сталинграде, осуществлял строительство судоремонтного завода... Когда строительство законсервировали, он вернулся в Москву. Чтобы попасть в Ленинград, папа записался в ополчение, по возрасту (рожд. 1893 г.) его не мобилизовали. Папа только успел встретиться с нами на сборном пункте на ул. Ракова. На обратном пути мы попали под бомбёжку и спрятались во дворе дома на Невском пр. После тревоги поехали в Шувалово.

Воевал папа в танковом подразделении, при наступлении немцев их прижали к Пулковским высотам. Так папа попал в Ленинград. Его назначили заместителем начальника эвакуогоспиталя N 929 по хозяйству. Госпиталь находился в библиотечном техникуме на наб. Невы около Марсова поля. В декабре

1941 года папа взял меня в госпиталь работать санитаркой. Началась суровая зима, транспорт не ходил, электроэнергию подавали только на операции.

Нас, девочек, будили рано утром, и мы носили воду для нужд госпиталя. Выздоровливающие бойцы прорубали лёд, мы становились в цепочку, передавали друг другу ведра. Приходилось выписывать документы, убирать палаты, лестницы, мыть столовую, подавать еду лежачим бойцам. Когда с фронта стали поступать не только раненные бойцы, но и с дистрофией, стало особенно тяжело, ведь многие не успевали дойти до туалетов! Зато я получала продовольственные карточки, и нас подкармливали остатками еды в столовой. Мы даже собирали остатки пищи в бидончик и держали его между окнами. Транспорт не ходил, окончив работу в 17 часов, мне приходилось пешком идти до ст. Шувалово около 20 км. Путь мой лежал по Кировскому пр. (ныне Каменноостровскому) до Чёрной речки, через Старую и Новую деревни, станцию Ланская. Дальше я шла по узенькой тропочке между рельсами через Удельный парк, Озерки. Из пригородных вокзалов меня выпроваживали, боялись, что умру, и придется выносить... Насмотрелась я, как умерших везли на санях, завернутых в простыни, как люди умирали на улице.

Очень боялась, что в пути отберут всё, что я несла своим в Шувалово. До февраля 1942 года на карточки иждивенцам (неработающей маме и брату) давали по 125 г хлеба на сутки, детям – 200 г, рабочим – по 250 г на сутки.

В пригороды плохо доставляли продовольствие, особенно хлеб. В выходной день мне приходилось, взяв все карточки за несколько дней, идти по магазинам от Шувалова в сторону города, выкупать хлеб. Пешком

И. Н. Дядицина

Лилия Дядицина

зима – сильные морозы с ветром, заносы на дорогах. Мама отвезла нас в Аркадак, где была школа. Там жилось очень тяжело, спали все на нарах, дров хозяйка не давала. Утром вставали – в ведрах был лёд. После школы мы с Люсей собирали на ж.д. путях кусочки каменного угля. К концу третьей четверти я заболела сыпным тифом, пролежала в больнице до школьных экзаменов. У меня болела голова, был бред, я разучилась ходить. Я бредила, что папа едет к нам.

Папа, и правда, приехал из госпиталя в Саратовской области, разыскал нас через военкомат.

В боях за Ленинград он получил два ранения: одно в ногу, второе – пуля прошла около сердца, задев пуговицу и портсигар в кармане. Это смягчило удар, и пуля зарубцевалась в легком. Люся в тот день относил свои учебники в школу. Подошёл военный и спросил: «Девочка, правильно я иду в село Подгорное?» Люся узнала в военном папу.

Я не хотела оставаться на второй год. Папа договорился, чтобы у меня приняли экзамены. После болезни я плохо ходила, и меня подвозили на лошади, которая возила молоко в бидонах в Аркадак, а обратно я добиралась пешком. На осень у меня остался один экзамен по немецкому языку. В августе 1943-го меня с колхозной молодёжью послали на трудовой фронт – мы ровняли грунт под аэродром, работали лопатами, грузили грунт на телеги. В 10-ый класс я пошла в косыночке, т.к., после тифа меня обрили наголо, пришлось расстаться с косами.

В 1944 году я получила аттестат об окончании школы. Папа хотел, чтобы его дети получили высшее образование. Вызов из Ленинграда от родственницы опоздал, и учиться мне не пришлось. Я прописалась в нашем доме и меня направили на работу в строительный трест. Но, в декабре 1944 года я сдала документы в Технологический институт им. Молотова. Там приняли мои документы, сказали, что экзамены будут в феврале, а в январе – подготовительные курсы. Да еще стипендию будут платить 190 рублей!

Наталья Титовна, жившая в блокаду в нашем доме, умерла. В доме одной было неуютно. Ляля, моя подруга со второго класса, приходила ко мне ночевать, а её мама подкармливала меня.

И вот пришел День Победы! Тысячи граждан собрались на Невском проспекте, на набережной Невы, все ликовали. Был чудесный майский день, самолеты сбрасывали листовки. Там сообщалось, что день 9 мая объявлен Днем Победы, и о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германских вооружённых сил. Вечером 9 мая был салют над Невой.

Материал подготовила Ирина Кузина

ДЕТИ

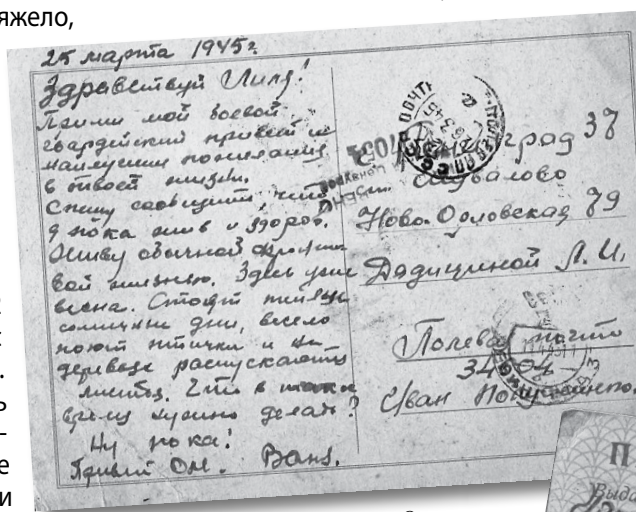
Всё это называется – блокада.
И детский плач в разломанном гнезде...
Детей не надо в городе, не надо,
Ведь родина согреет их везде.

Детей не надо в городе военном,
Боец не должен сберегать паёк,
Нести домой. Не смеет неизменно
Его преследовать ребячий голосок.

И в свисте пуль, и в завыванье бомбы
Нельзя нам слышать детских ножек бег.
Бомбоубежищ катакомбы
Не детям бы запоминать навек.

Они вернутся в дом. Их страх не нужен.
Мы защитим, мы сбережём их дом.
Мать будет матерью. И муж вернётся мужем.
И дети будут здесь. Но не сейчас. Потом.

Елена Вечтомова, 1942 г.

Открытка
на Ново-Орловскую

идти назад, а рано утром обратно в госпиталь. 18 февраля 1942 года папе позвонили, что умер наш брат Володя.

Папа добился нам эвакуации. 25 марта 1942 г. мы выехали через Ладожское озеро по Дороге жизни. На льду стояла вода – мы старались не смотреть – страшно. Перед нами машина ушла под лёд. На наше счастье обстрелов не было. На берегу нас покормили, дали на дорогу продуктов, мама нам давала понемногу, боясь заворота кишок. В вагоне-теплушке стояла печка-буржуйка, на нарах спало много людей. Везли через Урал, Мордовию. В дороге меняли вещи на продукты. Через месяц, 25 апреля, мы приехали в Саратовскую область. Нас очень хорошо приняли, вымыли в бане, положили спать на чистое бельё. Утром 26 апреля, в Праздник Пасхи, мы пошли в с. Подгорное.

По военному аттестату колхоз выдавал хлеб – зерно или муку. Мама и я работали в колхозе, пололи тяпками подсолнечник и сахарную свёклу, помогали колхозниками молотить и сушить зерно. Мы привезли с собой швейную машинку. Мама шила, а я вышивала, за это нам платили продуктами. Колхоз дал нам участок под огород, посадили тыквы, помидоры, картошку, эти овощи спасли нас от голода.

В сентябре мы с Люсей пошли в школу... В школу мы ходили 7 км туда и столько же обратно. Началась

